

Глава 2. Возрождение. Часть II

233 год до н. э. Осень. Граница между Цинь и Чжао, пустошь Цзинсин.

Чэнь Гэ пришёл в себя и поначалу решил, что спит в самом сердце огненного моря или несётся сквозь небеса, подобно комете. Кто-то вытолкнул его из объятых пламенем спасательного модуля; миг — и корпус разлетелся вдребезги. Взрывная волна отбросила его в сторону, и он снова провалился в небытие.

Сквозь пелену слышались чьи-то крики, полные ужаса. Чэнь Гэ рухнул на землю с такой силой, что, казалось, кости рассыпались в прах. Сознание покинуло его окончательно.

Спустя вечность он пробудился от тягучего, тяжёлого сна. Перед ним застыло багровое небо, заслонённое кронами огненно-рыжих клёнов. Бушевал неистовый ветер, и сорванные листья падали вниз, точно капли свежей крови.

Где-то совсем рядом гремело — лязг оружия и несмолкаемый шум не стихали ни на мгновение.

Чэнь Гэ попытался подняться, но тело его не слушалось. Обломки ветвей и стрелы прошили плоть насквозь; в груди, прямо против сердца, зияла огромная дыра. Каждая судорога отзывалась невыносимой болью, заставляя мышцы непроизвольно сокращаться.

«Почему я не разбился вдребезги? Я ведь... точно, я же превратился в зомби?»

«Лязг металла, густой дым... Неужели и в обществе мертвецов идут войны?»

Он устало прикрыл веки. Всё потеряло смысл. Единственное, чего он теперь желал — это окончательно встретить смерть.

На следующее утро, когда битва утихла, поле боя превратилось в бескрайнее кладбище.

Чэнь Гэ, распростёртый среди груд тел, снова открыл глаза. Он не понимал, жив он или мёртв, но каждая клеточка организма кричала от боли.

Глухой топот копыт становился всё громче.

— Господин! — негромко произнёс один из воинов. — Мы отъехали от Фэйся уже на добрую сотню ли. Не стоит гнать загнанного врага!

Двое всадников неслись по пустоши. На обоих были короткие куртки и широкие штаны, узкие рукава схвачены наручами, на ногах — кожаные сапоги. Талию стягивали ремни, за спиной виднелись длинные луки, а у бедра — короткие мечи из чёрного железа.

Их алые одежды в море золотого сухоцвета мелькали, точно капли крови.

— Тпру-у! — Юный предводитель, юноша лет шестнадцати-семнадцати, резко натянул поводья. Его волосы были собраны в тугий узел, а он метал молнии взглядом. — Верно говоришь. Впереди Цзинсин, места там суровые, наверняка засада.

— Скорее всего, это просто шайка разбойников, — отозвался второй. — После большой сечи им и бежать-то некуда.

Битва закончилась, и над миром воцарилась зловещая тишина, нарушаемая лишь шорохом опавшей листвы под копытами коней.

— Я здесь не ради преследования, — юноша настороженно огляделся и понизил голос: — Когда мы перехватывали циньские войска у Фанью, отец поручил мне подсчитать потери. Больше тысячи наших людей исчезли без следа.

— Мы перебили десять тысяч воинов Цинь, но и сами умылись кровью, — воин бросил на него странный взгляд, но, встретив гневный взор юноши, поспешно закивал: — Ни живых, ни мертвых... Странно это всё! Ох как странно!

Молодой господин слегка смутился:

— К тому же... Ты ведь сам видел ту падающую звезду в ночи! Она взорвалась в небе, рассыпавшись искрами, и стало светло как днём. Боюсь, это дурное предзнаменование.

Воин хмыкнул:

— В бою господин страха не знает, а как до женитьбы дело дошло — сразу в бега.

Юноша что-то заметил и ловко спрыгнул с коня.

— Ещё слово, и я...

Он провёл пальцами по листве и, растерев красное пятно между пальцами, коротко скомандовал:

— Ни звука!

Привязав коней к раскидистому дубу, они осторожно двинулись вперёд.

Ветер взметал сухую листву, которая в лучах осеннего солнца отливала золотом и медью. В воздухе висел смрад гари и гнилого мяса. Юноша раздвинул заросли полыни, и перед ними открылась жуткая картина: солдаты Чжао в алых одеждах и воины Цинь в чёрных доспехах лежали вповалку. Трупов было не меньше двух сотен. Повсюду виднелись следы пожара, над пепелищем всё ещё курился сизый дымок.

Воины положили руки на рукояти мечей.

— Они настигли циньцев здесь, и завязалась резня.

— Нет, это была засада, — юный предводитель присел, осматривая землю. — Циньцы разделились на два отряда и взяли их в кольцо. Лучники ударили из травы — видишь, у наших стрелы торчат прямо в горле.

Его спутник, зажимая нос от нестерпимой вони, пробормотал:

— Только вот что-то пошло не так. Начался пожар, и все сгорели заживо.

Вдруг воздух прорезал яростный крик:

— Куда пошёл!

Белая тень метнулась из кустов, взметая пыль и палую листву. За беглецом гнались два десятка циньских воинов — крепких, рослых мужчин в чёрных доспехах.

Туча стрел со свистом пронзила воздух, но мужчина в белом, кувыркнувшись на земле, сумел уйти от удара. На нём была узкая белая одежда кочевников, а его лицо, невероятно красивое с одной стороны, было наполовину изуродовано огнём.

Пока преследователи накладывали новые стрелы на тетиву, он отчаянно оглядел груды трупов. Казалось, он кого-то искал, но, увидев приближающихся врагов, скрылся в густой чаще.

Юноша-чжаосец коротко свистнул своему спутнику:

— Придётся схитрить.

Они обменялись понимающими взглядами и разошлись в разные стороны. Схватив по стреле с ближайших трупов, они измазались в крови и грязи и замерли среди мертвецов, притворившись убитыми.

Циньские воины, потеряв след беглеца в лесу, не спешили уходить. Вместо этого они принялись обыскивать павших: срывали кожаные доспехи, забирали стрелы, обчищали кошель и срывали жетоны.

Юноша, сжимая в руке спрятанный под телом короткий меч, ждал, когда враг подойдёт вплотную. Но время шло, а к нему никто не приближался. Слышались лишь странные звуки — будто кто-то волочил тела.

«Вместо того чтобы добивать выживших, они грабят мертвецов на поле боя? Не похоже на повадки Цинь», — подумал он и осторожно приоткрыл один глаз.

И тут же замер от ужаса.

Тот, на ком он лежал, — труп, который ещё мгновение назад был неподвижен — теперь смотрел на него в упор. Прямо перед ним сияли чистые, как осенняя вода, глаза. Длинные густые ресницы задели щеку юноши, и по спине его пробежал ледяной холод.

Юноша оцепенел, глядя на то, как в глазах отражалась фигура приближающегося циньского солдата... Проклятье!

Он не успел среагировать. Мощный удар в затылок отправил его в темноту. Юношу связали по рукам и ногам и оттащили в сторону.

«Живой труп» — а точнее, Чэнь Гэ — только и смог подумать: «...»

Он просто лежал, терпя боль, и незаметно задремал, но внезапно почувствовал, что задыхается. Открыв глаза, он увидел, что на нём кто-то лежит. Он и слова сказать не успел, как этот человек упал в обморок от страха.

«Странно всё это. Я ведь такой милашка», — отрешённо подумал Чэнь Гэ и снова закрыл глаза, желая, чтобы этот нелепый сон закончился.

Спустя какое-то время он почувствовал, что его куда-то тащат. Затем последовал удар — его швырнули в зловонную кучу мертвецов. «Наконец-то, — пронеслось в голове, — теперь я точно умер. Сожгите меня, пусть всё закончится. Это единственно верный финал для любого зомби».

Но он снова очнулся.

Боль в левой части груди была невыносимой. Рёбра были сломаны и, кажется, пронзили лёгкое или сердце — грудная клетка выпирала под странным, уродливым углом. Он осторожно

коснулся раны и охнул: «Словно жертва неудачной пластики».

От этой мысли он вдруг нервно хихикнул.

Отчаяние накрыло его с головой. Он осознал: он не умер и, более того, не превратился в зомби. Он всё ещё был жив, и ему предстояло иметь дело с реальностью.

В памяти всплыли последние события: вспышка вируса, люди, бегущие на орбитальные станции... Источником всех бед стал маленький чёрный камень, найденный в недрах южноафриканских рудников. Учёные назвали его «Книгой Ранда», а фанаты фантастики — просто Монолитом.

Этот камень таинственным образом оказался у него. Чэнь Гэ помнил всё до мелочей.

Побег из убежища, самолёт, подготовка к посадке на шаттл. На контроле безопасности детекторы взвыли как сумасшедшие. Он в панике открыл футляр, где должна была лежать губная гармошка, и увидел его — чёрный гранёный камень размером с ладонь.

Заражение произошло мгновенно. Он чувствовал, как вирус яростным потоком течёт по венам.

Но футляры, произведённые в Убежище Дурбане, открывались только по генетическому коду владельца.

«Был ещё семейный доступ, — вспомнил Чэнь Гэ. — Мой, Цзянь Юньлана, отца и... матери».

Его мать, Чэнь Цинъи, выдающийся биолог, погибла в аэропорту Дурбана ещё до того, как её признали шпионкой. Их разделял лишь трап самолёта: Чэнь Гэ был внутри, а она — внизу, в море живых мертвецов.

Отец, Цзянь Чжэньхун, верховный командующий убежища, остался прикрывать эвакуацию и не вернулся.

А старший брат, Цзянь Юньлан, подменил камень, угнал малый челнок и бросился прямо в червоточину.

В тот миг вселенная взорвалась. Его брат, командир элитного спецназа ООН, всю жизнь сражавшийся с зомби в джунглях, в итоге разнёс само мироздание.

«А я до сих пор жив. Почему?»

Чэнь Гэ то смеялся, то плакал, пока эти звуки не слились в один безумный хрип. Всё это

казалось нелепым фарсом. Родные мертвы, а его жизнь потеряла всякий смысл.

Он поднялся и, пошатываясь, побрёл сквозь тьму палатки, заваленной гниющими телами. «Выйду наружу, увижу свет — и прыгну в первый же костёр».

Говорят, перед смертью жизнь проносится перед глазами. Самое страшное Чэнь Гэ уже вспомнил, теперь оставалось только светлое. Его короткие семнадцать лет замелькали в сознании яркими кадрами:

Цветущие персики, розовое марево садов. Гаоюань.

Место, где он родился. Чистая река Юаньшуй, тихие заводы. Весна 2045 года. Ему восемь, Цзянь Юньлану — восемнадцать. Брат каждое утро возит его в школу на синем велосипеде. В утреннем тумане кажется, будто они летят над землёй.

Радуга над аэродромом.

Отец с камуфляжным рюкзаком, мама с чемоданом. Они поднимаются по трапу. Юньлан говорит, что они улетают в Страну Радуги. «Там радуга живёт?» — спросил тогда маленький Чэнь Гэ. Брат лишь улыбнулся и потрепал его по голове.

Снег над рекой. Чанша.

Зима 2045-го. Брат поступил в университет, и они переехали. На праздники возвращаться было некуда. Днём Чэнь Гэ грелся у печки, не желая шевелиться, а Юньлан прислонился к нему и взял маленькие перчатки, слушая, как брат читает ему вслух «Этику зомби-апокалипсиса». А вечером брат сажал его на закорки и нёс на остров Цзюйцзичжоу смотреть новогодний салют.

Закат над океаном. Дурбан.

2049 год. Они приехали в Южную Африку, к месту находки камня. Выяснилось, что в Стране Радуги никакой радуги нет. Юньлану двадцать два, Чэнь Гэ — двенадцать. Зомби поглотили континент, а Дурбан стал величайшим убежищем. Брат возвращался только с приливом, и лишь тогда Чэнь Гэ позволяли выйти за высокую стену и посмотреть на заходящее солнце.

Общежитие. Ссоры.

Брат вечно на работе. Одиночество стало его тенью. Прогулы, драки, исключение из школы... Родителям было не до него, а встречи с братом превращались в бесконечные скандалы. Лишь в заброшенном углу сада за домом цвели персики, и он часами сидел там один.

Как-то раз они возвращались из школы после очередной драки. Цзянь Юньлан вёл его,

избитого и насупившегося, на фоне оранжевого заката.

— Чэнь Гэ, — сказал тогда брат, — хром — это серебристо-белый металл, стойкий к коррозии. На греческом «chroma» значит цвет. Твоё имя несёт в себе все краски мира.

— Но в школе меня зовут Хром, как браузер! — выкрикнул он, едва не плача. — У детей тоже есть гордость!

Да, семья хотела, чтобы его жизнь была яркой. И она была такой.

Чэнь Гэ очнулся от воспоминаний, скорчившись на земле от боли. В темноте ему почудилось, что брат отпускает его руку.

Но теперь уже он сам не хотел отпускать. Он полз за ускользающей тенью брата, преодолевая мучения.

Откинув полог шатра, Чэнь Гэ поднял голову. Облака разошлись, явив бледную луну и странную, зловещую туманность, похожую на распустившийся цветок смерти.

Спину обожгло болью. Обернувшись, он увидел того самого юношу в диковинных одеждах. Тот стоял, прижимая его ногой к земле, и с изумлением смотрел сверху вниз.

Тот самый «пленник», что давеча потерял сознание от страха?

В ту же секунду юноша перехватил кинжал и лезвие сверкнуло у самого горла Чэнь Гэ.

Юный воин из Чжао пребывал в ярости. Из-за мимолётного испуга перед «мигающим трупом» он угодил в лапы циньцев. Позор, который не смыть.

Ночью его соратник пробрался в лагерь. Юноша к тому времени уже пришёл в себя и оценил обстановку: лагерь был невелик, всего три десятка солдат Цинь стерегли сотни пленников. Однако враги проявили смекалку — они связали чжаосцев в одну длинную цепь, так что спасти всех разом было невозможно.

Они решили осмотреться и наткнулись на нечто странное. Циньцы свозили сюда тела погибших и складывали их в шатрах, точно снопы пшеницы. Смрад стоял такой, что выворачивало наизнанку.

Собравшись с духом, юноша решил проверить один из таких шатров. Он уже почти убедил

себя, что «оживший мертвец» ему померещился, как вдруг на самом пороге под его ногой что-то шевельнулось.

Облака разошлись. В лунном свете он увидел, что «труп» выполз из палатки и теперь смотрит прямо на него.

Волосы на голове юноши зашевелились. Он мгновенно прижал беглеца к земле, сдавив ему горло.

Расстояние между ними было не больше ладони. Вглядевшись, юноша наконец разглядел «чудовище».

Это был просто подросток. Спутанные чёрные кудри, кожа белая, как снег, длинные ресницы и взгляд... потерянный, молящий. Он смотрел на воина, точно брошенный щенок.

Юноша почувствовал, как рука его дрогнула. Увидев, как в глазах парня блеснули слёзы, он невольно задержал дыхание.

С силой оттолкнув его, он выругался сквозь зубы:

— Ну и вляпался же я!

Спутник зашипел из тени:

— Господин, сюда идут!

Юноша махнул рукой:

— Уходи! Смешайся с толпой, нужно найти способ вытащить наших. Живо!

Воин кивнул и исчез в темноте. Юноша же остался стоять, понимая, что его вот-вот обнаружат. Он коснулся бледной щеки парня и почувствовал слабое, едва уловимое дыхание.

«Надо же, живой? Ладно, будь по-твоему — спасу».

Чэнь Гэ задыхался под хваткой незнакомца. Когда тот отпустил его, он зашелся в мучительном кашле.

Циньские патрульные, услышав шум, примчались к шатру.

— Кто здесь?! — рявкнул один из них.

Юноша из Чжао мгновенно упал на колени, обнимая Чэнь Гэ, и заголосил на весь лагерь:

— Брат! Мой брат ещё дышит! Смилуйтесь!

Он выл так натурально, что циньцы лишь брезгливо переглянулись. Один из солдат с размаху пнул юношу, сбивая с ног, и патрульные принялись избивать его. Когда они закончили, старший отряда коротко бросил пару слов. Глядя на скорчившихся на земле парней как на мусор, они всё же решили проявить милосердие.

Их связали одной крепкой верёвкой и волоком потащили в душный, переполненный пленниками шатёр. Чтобы они не вздумали бежать, их бросили в грязь, связав лицом к лицу. Юноша заворочался, пытаясь устроиться поудобнее, и почувствовал резкий запах крови.

Верёвка, связывающая их, уже успела промокнуть насквозь.

Живот Чэнь Гэ был разворочен стрелами, рёбра торчали под кожей, а грудь была уродливо деформирована. Лицо его было измазано в иле, но даже так оно казалось удивительно тонким и красивым. Он смотрел в пустоту, погружённый в свои мысли.

Юноша из Чжао вывернулся так, что они оказались почти лицом к лицу.

— Ты кто такой? — прошептал он. — Человек или призрак?

Горячее дыхание коснулось щеки Чэнь Гэ, и на его ресницах выступила влага.

— Судя по виду, какой-нибудь изнеженный принц? — голос юноши зазвучал тише, в нём проскользнула странная, почти бережная нотка.

Чэнь Гэ не ответил. Всё, что происходило вокруг — голоса, боль, холод — казалось ему далёким и пресным.

Он просто ждал, когда за ним придёт смерть.

<http://bllate.org/book/17509/1648465>